

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. НЕПУТЁВАЯ	5
Глава 2. ОХОТНИК	45
Глава 3. ПОВЯЗАННАЯ	81
Глава 4. ЗНАНИЕ	116
Глава 5. НЕ СЕСТРА	151
Глава 6. ТРУС	189
Глава 7. ОГОНЬ	212
Глава 8. ТРОПА	247
Глава 9. МОСКВА: ЧТЕЦ	278
Глава 10. МОСКВА: ОХОТНИК	303
Глава 11. СВОЁ МЕСТО	337
Глава 12. НЕ БРАТ	371
Глава 13. ПУТЬ	398
Глава 14. ПЕРВЫЙ СНЕГ	426

ГЛАВА 15. МИР НЕЧИСТИ	446
ГЛАВА 16. ОСОБНЯК	468
ГЛАВА 17. РАЗГОВОРЫ	490
ГЛАВА 18. БРАТ И СЕСТРА	511

Глава 1

НЕПУТЁВАЯ

Раде было почти пятнадцать, когда во время школьной прогулки по окрестному лесу она заметила кикимору. Маленькое, покрытое жёсткой чёрной шерстью создание злобно смотрело на неё выпученными глазами. Его длинная острая мордочка заканчивалась похожим на пятачок носом, из нижней челюсти выступали желтоватые клыки, а между ушами торчали едва заметные рожки. Существо выглядело крайне недружелюбным, но Рада не могла отвести от него глаз.

Она, как всегда, убежала от группы неприлично далеко, уже готовая к нагоню и считавшая его достойной ценой за право гулять по лесу свободной. В свете жаркого летнего солнца Рада не боялась ни вампиров, ни нечисти; прячущаяся в густой тени раскидистого куста кикимора тоже не внушала страха.

— Эй, привет! Тебя кто-то обидел?

Кикиморы считались исключительно зловредными созданиями. Одна такая когда-то больно укусила Димку; укус воспалился и заживал очень долго, но, к счастью, всё обошлось. Говорили, кикимора может украсть младенца, если вдруг узнает его имя, и обратить того в своё подобие. Такие истории часто рассказывали вечерами, собираясь в соседской гостиной в свете ламп, свечей и колдовских огоньков. От них по спине бежали мурашки, а темнота за окнами казалась материальной, готовой протиснуться в щели и напасть на хрупких

и слабых людишек, наивно верящих, что стены поселения и двери домов могут их защитить. Но темнота всегда оставалась лишь темнотой, а кикимора оказалась Раде несчастной лесной зверушкой — совсем небольшой, с кошку размером, — которая нуждалась в любви и заботе. Ей хотелось помочь.

Зверушка злобно щёлкала зубами, когда Рада бесстрашно опустилась на колени рядом с ней.

— Всё будет хорошо, — стараясь подражать голосу мамы, проговорила девушка. — Тебе одиноко, да? Ты потеряла что-то важное? Свой дом, ведь так? — она откуда-то знала это. — Бедняга. Хочешь пойти со мной? У меня хороший дом.

Рада говорила много и долго, рассказывая про свой дом, бабулю, маму, папу, Димку, Лену и Макса, совершенно не замечая, как уродливое существо перестаёт скалиться и подходит ближе. На ощупь кикимора оказалась мягче, чем на вид. У неё наверняка были блохи, но Рада улыбалась, представляя, как отмоет и расчешет беднягу, как накормит её и уложит спать куда-нибудь, где тепло и уютно. Она спрятала кикимору в сумку и, крепко прижав её к груди, вошла в поселение вместе со всеми остальными.

Увы, мириться с кикиморой в доме не захотел никто. Когда несчастное создание выкинули обратно в жестокий мир, от которого Рада так хотела её защитить, бабуля очень серьёзно посмотрела на свою непутёвую внучку и спросила:

— Как ты это сделала?

Рада тогда не поняла, о чём идёт речь. Она плакала и злилась, совершенно позабыв о том, что окружающие поселение стены должны гнать прочь любую нечисть, заставляя корчиться от боли даже таких безобидных существ, как домовые или берегини, стоит тем только приблизиться к ним.

— Ну и кого ты собираешься притащить на этот раз? — сердился Дмитрич теперь.

— Да не собираюсь я никого приносить!

Рада была готова взвыть. С того злополучного дня прошло пять лет, пять бесконечных лет в стенах поселения, а ей до сих пор вспоминали кикимору.

Рада глубоко вдохнула душный воздух приёмной старосты поселения и, изо всех сил стараясь не дать чувствам вырваться наружу, проговорила:

— Я понимаю, вы испугались в тот раз, но сейчас ведь совсем другое дело. Мне давно не пятнадцать. Я усвоила урок. Я обещаю — нет, я клянусь вам — я не буду трогать никаких кикимор, я ни на шаг не отойду от поисковой группы, я не сделаю ничего без разрешения того, кто будет главным. Я клянусь. Правда.

Дмитрич вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он казался усталым — да что там, он наверняка устал, как никто другой. Рада полагала, что с тех пор как вслед за фурами пропал и поисковый отряд, староста вообще не спал.

— Я клянусь, — повторила она ещё раз.

— Чего клянёшься? Кикимор не трогать? А как насчёт леших?

— Я никогда не трогала леших, — не слишком уверенно ответила Рада.

Как-то раз, когда она пряталась от группы в лесу, один из леших протянул ей горсть малины в своей сучковатой руке, но Рада не могла вспомнить, прикасалась ли она непосредственно к нему.

— Не трогала, зато болтала с ними.

— И что?

— А то. Лешие не разговаривают.

Рада вздрогнула. Конечно же, низшая нечисть говорить не могла, и всё же Рада всегда знала, что именно хотели ей сказать существа, которых она встречала в лесу. Когда-то казалось, что так могут все, но разговор с подругой — теперь уже бывшей — развеял иллюзии. Воспоминания о брошенных Алёной словах больно царапнули память. Как она тогда говорила? Кажется, назвала Радунормальной или вроде того. Дружба на этом кончилась, а все секреты оказались у Дмитрича.

— Ну да, они не разговаривают, — спешно пояснила Рада. — Это я с ними говорила, но я больше не буду. Честное слово.

Дмитрич недобро нахмурился, обретя поразительное сходство с нахохлившейся совой. Рада на миг затаила дыха-

ние, судорожно пытаюсь придумать, как спасти ситуацию, а потом шагнула вперёд, к самому столу.

Должно быть, в молодости Дмитрич был очень высок. Даже сейчас, в свои шестьдесят с лишним, сидя в продавленном кресле, он оказывался на одном уровне со слишком рано переставшей расти Радой. Опершись о стол так, чтобы смотреть в глаза старосты снизу вверх, она жалобно протянула:

— Ну пожа-алуйста... Я просто хочу помочь...

— Твои хотелки не моя забота. — Дмитрич откинулся на спинку кресла, но не отвёл взгляда. — Моя забота знаешь в чём?

— В том...

Староста не дал ей ответить.

— В том, чтобы у нас был порядок. Безопасно чтоб было. Никакой нечисти, никаких вампиров — никого, кто может навредить, поняла меня, Беляева? — не дожидаясь ответа, Дмитрич прикрыл глаза ладонью и скрипуче усмехнулся. — Беляева...

Он часто делал такое лицо, произнося её фамилию вслух. Старосте не нужно было ничего объяснять, чтобы Рада в одной этой усмешке прочла всё: и восхищение её бабушкой, и уважение к родителям, и гордость за младшеньких — за Лену особенно, — и вселенское недоумение, как старшая дочь столь уважаемой в поселении семьи умудрилась вырасти такой непутёвой. «Даже от вашего приёмыша таких проблем нет, несмотря на его, гм, деятельность», — как-то раз сказал Дмитрич Раде. Отзвуки этих слов она слышала в горькой усмешке старосты и теперь.

— Ты как думаешь, мне легко далось это решение? — Дмитрич опустил руку, и Рада невольно съёжилась под тяжестью его взгляда. — Легко, думаешь? Нет, не легко. Я запретил тебе выходить не потому, что ты мне не нравишься. Я запретил тебе выходить, потому что ты опасна.

Рада вцепилась пальцами в стол.

— Вы же знаете, что я никогда никому не желала зла, — севшим голосом напомнила она, но Дмитрич покачал головой.

— Ты просто не знаешь, что это такое — зло. Росла здесь, за стенами, в безопасности, а теперь что, наружу захотелось?

Сколько, говоришь, тебе лет? — в голосе старосты мелькнула нотка горечи. — Небось не помнишь Разлом, и того, что после было, тоже не помнишь?

Рада не помнила. Пожалуй, могла бы и помнить — ей тогда было около трёх, — но память начисто стёрла и жизнь до того, как всё перевернулось с ног на голову, и сам Разлом, и то, как их семья выживала после. Наверное, в то время постройка стен была действительно необходима. Наверное, именно благодаря предпринятым Дмитричем мерам собравшиеся на берегу Камы беженцы смогли отстроить поселение и сохранить в рабочем состоянии гидроэлектростанцию и целлюлозно-бумажный комбинат. Но это было давно. Единственная атака вампиров закончилась ничем более пятнадцати лет назад, люди привыкли к нечисти, а Макс рассказывал, что другие поселения теперь одно за другим отказываются от стен.

— Не помнишь, — прочитав ответ на лице Рады, проскрипел Дмитрич.

— И что с того?

— А то, что не прочувствовала ты ничего на себе.

Рада не без труда заставила себя оторвать от стола сжавшиеся в кулаки руки. Она глубоко вздохнула и, уловив едва заметный запах настойки валерианы, вскинула голову.

— Ну да. Допустим, я не помню Разлома. Зато я помню, как Ваня Каримов играл на гитаре и как Ирка расстраивалась, когда у неё пригорало печенье. Все пропавшие — люди, которых я знаю почти всю жизнь, так почему я не могу помочь с их поисками? Я же ходила по лесу раньше. Вдруг именно я что-нибудь замечу? Вдруг...

— А вдруг снег летом выпадет? — рявкнул Дмитрич и, резко охладев, опустил плечи. — Что ж с тобой делать-то, непутёвая? Колдовать не можешь, нечисть сюда таскаешь... Найди кого-нибудь, кто за тебя поручится.

— Что?

Рада растерянно уставилась на старосту, и тот, устало махнув на неё рукой, пояснил:

— Пусть кто-нибудь из командиров отрядов возьмёт на себя ответственность за то, что ты вернёшься целой и ничего

с собой не притащишь, поняла? Если кто согласится, можешь идти с ним.

Не веря своим ушам, Рада неловко попятилась к двери.

— Я...

— Иди уже. — Дмитрич прикрыл глаза.

— Спасибо!

Рада сорвалась с места и выскочила за дверь, не услышав, что именно пробормотал напоследок уставший староста.

Тяжёлые стальные ворота покрывала облупившаяся от времени серая краска — её подновляли всего однажды, лет десять назад. Тогда не желающая даже приближаться к воротам Рада спряталась на чердаке школы и весь день просидела там, со скуки листая справочник местных грибов. Она догадалась утащить с собой солидный кусок хлеба, но совсем не подумала о воде, и к первому колоколу — упрямо досидев в своём убежище до времени, когда её точно не заставят помогать в покраске, — умирающая от жажды, притащилась домой. Так она узнала, что её искали две поисковые группы, что отец за день постарел на несколько лет, а мама весь день рыдала, пугая этим малолетних Димку и Лену. Заготовленное Радой оправдание, что ей просто не нравится запах краски, показалось смехотворным. В тот раз Дмитрич строго отчитал её и, внимательно посмотрев в глаза, спросил:

— Если ты так не любишь запах краски, как будешь с книгами работать?

За последние десять лет пришедший на смену тогдашнему главе безопасников Павел Михайлович значительно улучшил контроль за происходящим как внутри, так и снаружи стен поселения — спрятаться в школе уже не вышло бы. Новая краска потускнела и осыпалась совсем так же, как предыдущая, а Рада по-прежнему повторяла о своей смертельной нелюбви к запаху краски и химии в целом, теперь уже для того, чтобы избегать работы на комбинате. Хотя дело, конечно же, было отнюдь не только в этом.

Просто комбинат — самое мерзкое место, где ей доводилось когда-либо побывать. Там резкий запах бьёт в нос и гла-

за начинают слезиться. Мёртвый желтоватый свет мерцает, кажется, будто бы по глазам бьют яркие вспышки. За отделивающей производственную зону дверью что-то гудит, и низкий монотонный звук ощущается тяжестью, вдруг навалившейся на плечи с такой силой, что хочется упасть на колени, уткнуться лбом в шершавый бетонный пол и дышать, просто дышать, пока сжавшиеся мышцы горла ещё позволяют это.

Вокруг комбината нет стен. Сам комбинат — и есть стены. После Разлома он был заметно перестроен, приспособлен к новым реалиям, обзавёлся защитой, типографией и, кажется, собственной жизнью. Он дышал, и его зловонное дыхание гнало Раду прочь, пока её не проглотили эти широкие металлические двери, пока чаны с химикатами не растворили её. Правда, в производственную зону Рада так ни разу и не зашла, но воображение легко восполняло отсутствие опыта.

Рада потрясла головой, отгоняя нахлынувшие мысли, и решительно шагнула на забетонированную площадку перед воротами, носящую гордое звание Малой площади. Въезжие в бетон следы пропавших фур топтали равнодушные люди. Хотя, пожалуй, равнодушных к ситуации в поселении не было вовсе. Пропажа фур с продовольствием на месяц и текстилем на пару лет была серьёзной проблемой; пропажа отряда, отправившегося на разведку по окрестностям, — тоже.

Невысокая узенькая калитка в одной из створок ворот оказалась открыта. За ней виднелся бетон гостевой стоянки, сразу за которой начинался лес. В солнечные дни жители поселения часто выходили чистить дорогу от упавших веток и латать ямы. Шли далеко, до самой трассы, а потом возвращались обратно. Иногда небольшие группы сходили с дороги, чтобы собрать грибы, ягоды или орехи, а от них всегда можно было улизнуть.

Да, улизнуть в лес. Проскользнуть в открытую калитку, пробежать через гостевую стоянку и спрыгнуть на пружинистую землю, покрытую мхом и опавшими сосновыми иглами. Земля в лесу не похожа на утопанные дорожки поселения, земля в лесу мягче и живее.

«Иди, Рада, иди к лесу, там тебя ждут. Иди мимо сосен, с двух сторон тесно обступивших дорогу, мимо черничной поляны, мимо дерева, где когда-то жили белки. Иди. Тебя ждут».

— Беляева! Куда?!

Рада встрепенулась и обнаружила, что от калитки её отделяют лишь несколько шагов и грузная фигура главы службы обеспечения безопасности поселения.

— А, я это, от Дмитрича! — поспешила объяснить девушка. — Я Дениса ищущу. Козлова.

Павел Михайлович смерил её недоверчивым взглядом. Сегодня он тоже возглавлял один из отрядов, но Рада не сомневалась — старый сторожевой пёс был последним, кто мог бы за неё поручиться.

— Зачем? — мрачно уточнил Павел Михайлович.

— Передать кое-что надо.

Рада достаточно долго была девчонкой на побегушках и при нём, и при Дмитриче, чтобы эта версия звучала правдоподобно.

— Что-то, что не надо передавать мне?

Взгляд Старого Пса был тяжёл, но Рада думала о лесе, а потому смогла его выдержать.

— Ага. Так вы его видели? Дениса?

Павел Михайлович шумно вздохнул. Его взгляд не стал мягче, но Рада позволила себе перевести дух.

— Видел его где-то там. — Капитан указал направление. — Не подходи к воротам, поняла?

— Без разрешения не подойду! — бодро пообещала Рада, срываясь с места.

Она ловко обогнула толпу обсуждающих грядущие поиски людей и поспешила в указанном направлении. Найти огненно-рыжего Дениса оказалось не сложно: он стоял перед членами своей поисковой группы и что-то рассказывал им с невероятно важным видом. Он наверняка поймёт её. Всё же раньше они были близки. Рада вспомнила, как когда-то он топтался перед ней во дворе за школой, признаваясь в любви, и хихикнула. Конечно, пришедшие в двенадцать лет чувства давно

ушли. Рада почти не общалась с бывшими одноклассниками с тех пор, как все они, кроме неё, отправились в старшую школу, но она помнила, и Денис должен был помнить тоже. В конце концов Рада никогда не слышала, чтобы он шутил про кикимору.

— Главное — следите, чтобы соседние в цепи люди всегда были в зоне вашей видимости. И слева, и справа, вам понятно?

Денис внимательно осмотрел собравшихся перед ним, споткнулся взглядом о Раду и продолжил вещать.

Похоже, его группа собиралась цепью прочесать участок леса справа от ведущей в поселение дороги. Чинно идти в цепи, не теряя из зоны видимости соседей, казалось скучным, и всё-таки это было лучше, чем просто сидеть за стеной.

Дождавшись, когда Денис закончит говорить, Рада бочком подкралась к нему.

— Ден! — она постаралась улыбнуться самой приветливой из возможных улыбок. — Дмитрич разрешил мне присоединиться к твоему отряду, только ты должен за меня поручиться.

— Поручиться за что?

Рада расширила глаза, надеясь придать лицу жалостливый и невинный вид.

— За то, что меня никто не сожрёт и я сама не принесу сюда никого, кто сожрёт тут всех.

Денис вздрогнул и отвёл взгляд. Его лицо странно переменялось, и Рада поёжилась, не решаясь гадать, что означала эта перемена.

— Ты же понимаешь, что ни того ни другого не случится? — осторожно спросила она.

Денис молчал.

— Понимаешь же?

— Нет. — Он вздохнул и медленно, словно нехотя поднял взгляд. Лицо Дениса показалось неестественно спокойным. — Не понимаю.

— Ты считаешь, что я совсем дура? — Рада подалась было вперёд, но замерла, наткнувшись на окружившую бывшего одноклассника стену отчуждения. — Думаешь, я не понимаю, что всё серьёзно? — она невольно перешла на шёпот.

Денис молчал, но его каменное лицо было красноречивее любого ответа.

— Ты же знаешь, что я хороша, — уже почти ни на что не надеясь, взмолилась Рада. — Да, мы с тобой давно не общались, но в том-то и дело, прошло много лет. Я изменилась. Я не буду делать ничего, что...

— Рада. — Голос Дениса сорвался, когда он произносил её имя. — Ты не дура. Я верю, что ты не будешь пытаться кого-нибудь пронести тайно или куда-нибудь убежать, но мы не знаем, может ли что-нибудь прицепиться к тебе без твоего ведома. Кроме того, ты почти не можешь колдовать. Мы считаем, что и фуры, и поисковый отряд пропали где-то неподалёку, значит, рядом есть нечто опасное. Ты не можешь себя защитить, а мы не можем отвлекаться на тебя. Я не готов...

— Ден...

Он не позволил себя перебить.

— Я не готов за тебя поручиться.

Она сдержалась. Больше ничего не спросила, никого не обвинила и не заплакала. Чувствуя мешающий дышать ком в горле, Рада брела прочь от Дениса. Мысли путались. Нужно было решать, что делать дальше: искать тётю Аню или не стоит даже пытаться? Нужно было думать, но в голове Рады круг за кругом вертелся вопрос: «За что они так со мной?»

С Денисом они никогда не ссорились. Поиграв во влюблённых чуть больше года, они разошлись друзьями, решив, что им надоело. Не было сцен, как в кино, не было подростковых слёз в подушку. По крайней мере у Рады не было точно. Почти до самого отъезда Алёны и Дена в старшую школу они часто проводили свободное время вместе. Алёна помогала Раде с учёбой, а Ден часами мог сидеть рядом с ней и слушать радио, ожидая новостей об охотниках на вампиров. Они слушали о подвигах Мотыльков, Шамана, Чёрной Вдовы и всех остальных, кто был особенно популярен в то время, и гадали, какие люди скрываются под яркими именами и ореолом великих дел, а ещё не скрывается ли под одним из этих имён Макс, названный брат Рады. Гадали, разумеется,

безуспешно: приёмный сын Беляевых надёжно хранил свою тайну.

А в последний год средней школы всё пошло под откос. Денис и Алёна готовились к экзаменам, а Рада, лишённая права выходить в лес после случая с кикиморой, ругалась с Дмитричем и часто бывала наказана. Экзамены она провалила, хотя, по правде говоря, не особо готовилась к ним. Подруга, пытавшаяся ей помочь, была в бешенстве. Обвинила Раду в растрате её драгоценного времени, которое она, видите ли, могла бы уделить «...чему-то важному, вместо помощи ленивой бездельнице, которая всё равно спустит все усилия в никуда».

С Денисом зато попрощались мирно, хоть и несколько скованно. Потом, приезжая домой на каникулы, он держался в стороне, но Рада всегда думала, что дело или в разошедшихся интересах, или в том, что она слишком надоела ему с вопросами о другом поселении, куда он уехал учиться. Дену нечего было добавить к тому, что она и так слышала сотню раз, но Рада всё настаивала... А её друг всё больше отстранялся.

Может, рассказать и в самом деле было нечего. От старших знакомых, вернувшихся домой после школы, Рада знала: то поселение не сильно отличалось от их. Просто больше, есть несколько многоквартирных домов, а вместо бумаги — обувь, школа и радиовышка. Получали ли жители поселения что-нибудь за радиоэферы, было спорным вопросом, а вот чужих детей обучали отнюдь не из альтруизма: вместе с новыми учениками их поселение отправляло соседям солидный груз печатной литературы, учебников, тетрадей и даже колдовских книг с базовым набором печатей.

В том, что обучение в старшей школе сейчас нужно всем, Рада уверена не была. Есть, конечно, такие, как Димка — однажды воспылав любовью к электрическим приборам, он твёрдо решил посвятить им свою жизнь. После старшей школы брат Рады собирался отправиться дальше, в поселение с чем-то вроде университета, где, помимо обучения молодых специалистов, проходила научная работа. По слухам, именно

там были созданы пригодные для колдовской зарядки батареи, которые теперь питают все машины, но подтверждать эти слухи никто не спешил.

Может быть, Димка останется там и тоже что-то изобретёт. А может, вернётся домой и отправится работать на ГЭС или просто станет незаменимым специалистом, способным создавать и чинить. Но вот чего с ним точно не случится, так это того, что вышло с Деном. После старшей школы бывший друг Рады вернулся домой и отправился работать на комбинат, и зачем ему там, на комбинате, знания сложной математики, для Рады оставалось загадкой. Говорить об этом Ден тоже не хотел.

Погрузившись в тяжёлые мысли, Рада брела по площади в сторону узкой боковой улочки, петляющей среди тесно прижавшихся друг к другу домов. Она бегло скользнула взглядом по никогда не видевшей краски стене гаража, где в период простоя прятались ныне пропавшие фуры, и вздрогнула, когда полный удивления и недовольства голос тёти Ани донёлся до неё:

— Рада! Почему ты...

Решение было принято мгновенно.

— А я как раз к вам! — она собрала в кучку весь оставшийся в ней оптимизм и почти искренне улыбнулась маминной подруге. — От Дмитрича.

Тётя Аня совсем по-кошачьи прищурилась, и этот прищур был недобрый. Ничего хорошего тут не светило, но Рада решительно погнала прочь пораженческие мысли.

— От Дмитрича?

Тётя Аня неспешно сложила и аккуратно упаковала в наплечную сумку выцветшую карту местности. Похоже, она что-то чертила, прижав бумагу к стене гаража, когда Рада привлекла её внимание.

— Да! — Рада улыбнулась ещё шире, надеясь, что её голос звучит достаточно убедительно. — Он разрешил мне пойти с вами!

— Разрешил? — она не поверила, это было понятно по тому, как знакомо дрогнули уголки её губ.